

Давыдов А.П.

А. С. Пушкин. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») и комментариев к нему Ф. М. Достоевского

Аннотация: В статье опровергается оценка Ф. М. Достоевским пушкинского стихотворения «Странник», написанного по мотивам романа английского пастор-писателя Дж. Беньяна «The Pilgrim's progress», высказанная им в «Пушкинской речи» 8 июня 1880 г. Достоевский интерпретировал в ней Пушкина – певца принципа личности как идеолога империи, церкви, религиозного народа, российской почвы, делал его как бы идейным союзником в своей идеологической работе. С этой точки зрения его Пушкинская речь была объективно антипушкинской речью, искажающей ценностный мир поэта. В статье доказывается, что в стихотворении не был выведен образ верующего протестанта, а на английском культурном материале был выведен типичный православный тип – человек с рабской философией жизни и истеричным способом веры. В «Страннике» нет признаков всемирного народничества Пушкина, поэт создал в этом стихотворении русскую поэзию. Применен сравнительный социокультурный анализ текстов Пушкина и Достоевского, а также сравнение двух типов религий – православия и протестантизма. Впервые в достоевковедении осуществляется доказательство несостоятельности точки зрения Достоевского на пушкинского «Странника», опираясь на сравнительный анализ ценностей православия и протестантизма. Тем самым вывод об искажении Достоевским смысла «Странника» переходит из статуса декларируемого в статус доказанного. Это позволяет продвинуться вперед в понимании «Пушкинской речи» как объективно антипушкинской.

Review: The author of the present research article disproves of Fedyor Dostoevsky's appraisal of Pushkin's poem 'Pilgrim' after the novel of an English writer and preacher John Bunyan 'The Pilgrim's Progress' that Dostoevsky shared during his 'speech devoted to Pushkin' on June 8, 1880. Dostoevsky interpreted Pushkin as an ideologist of the empire, church, religious nation and Russian roots. From this point of view, his speech devoted to Pushkin was an 'anti-Pushkin' speech that actually distorted Pushkin's word of values. The author of the present article proves that in his poem Pushkin did not create the image of a religious Protestant but based on English cultural works Pushkin created the image of a typical Orthodox person with a slavish philosophy of life and hysterical way of believing. 'Pilgrim' does not have any signs of Pushkin's universal narodnichestvo (populism). In this poem Pushkin created the Russian poetry. The researcher uses a comparative socio-cultural analysis of Pushkin's and Dostoevsky's writings and also compared to the two types of religion, Orthodoxy and Protestantism. For the first time in the studies of Dostoevsky the researcher proves the failure of Dostoevsky's point of view on Pushkin's 'Pilgrim' based on the comparative analysis of Orthodox and Protestant values. Therefore the conclusion about Dostoevsky distorting the meaning of 'Pilgrim' can be considered to be proved. This allows to progress in our understanding of the speech devoted to Pushkin as an objectively anti-Pushkin speech.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкин, стихотворение Странник, православие, протестантизм, молитва, цель искусства искусство, цель поэзии поэзия, Бог, спасение.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin, poem 'Pilgrim', Orthodoxy, Protestantism, prayer, purpose of art, purpose of poetry, God, salvation.

Сюжет своего «Странника»¹ Пушкин взял из романа-притчи английского протестантского пастора Джона Беньяна (1628-1688) «Путешествие пилигрима в Небесную страну» («The Pilgrim's

progress»)². Это роман о проповеднике, который ищет способ спасения своей души.

Пушкинское стихотворение – взволнованный рассказ верующего человека о себе. О необходимости держать ответ перед Богом на Страшном суде, о своей неготовности к суду, о страхе смерти. О желании бежать из мира, ко-

¹ Пушкин А. С. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...»)// Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах. – М. – Л., Изд-во «Правда», Т. 3. С. 311-313.

² Беньян Дж. Путешествие пилигрима в Небесную страну.// <http://tululu.ru/read55472/62/>

торый лежит во зле. И о поиске пути, который ведет к «тесным вратам спасенья».

Достоевский в «Пушкинской речи»³ утверждает, что в этом стихотворении «чувствуется самая душа северного протестантизма». Я с этой оценкой не согласен. В герое «Странника» ничего нет от протестантизма.

Пушкин поступил с «The Pilgrim's progress» так же, как с произведениями других зарубежных авторов: взял сюжет романа лишь как повод создать свою собственную поэзию и не взял его английское содержание. Конечно, описывая душу проповедника, Пушкин не мог не отобразить религиозный дух переживаний своего героя. Но в результате у него получился не англичанин, а типичный русский человек, стиль религиозного переживания которого рождается не из «северного протестантизма», а из православия. Родилась русская поэзия.

Так что же, Достоевский искажил Пушкина? По- существу, да. Зачем это было Достоевскому нужно? Я уже говорил в других своих работах: Достоевский в Пушкинской речи пытался превратить Пушкина – певца идеи личности, смысла личности, принципа личности в идеолога империи, церкви, религиозного народа, сделать его как бы идейным союзником в своей идеологической работе. С этой точки зрения его Пушкинская речь была Антипушкинской речью.

Однако, мои тезисы: 1) о том, что в пушкинском «Страннике», внешне описывающем религиозную ситуацию в Англии, по существу описана религиозная ситуация в России, что героем «Странника», по существу, был культурный тип православного верующего, и 2) об идеологической и политической заданности интерпретации Достоевским Пушкина требует доказательства.

1. Протестантизм и православие: разные пути спасения души

Спасение души – основная мысль героя пушкинского стихотворения. Эта мысль руководит его чувствами и действиями. Вот сюжет: верующий человек мучительно переживает тот несправедливый способ жизни, которым живет; считает, что находится в плену у мира; хочет вырваться из этого плена, прорвавшись

к абсолютной истине; бежит из семьи и общины; ищет иное место жительства – там, где сияет «некий свет».

Выстраивая свое доказательство, я должен сказать, что императив поиска путей спасения – не протестантский только. Сюжет с «тесными вратами спасения» – общехристианский. Он взят из Нагорной проповеди евангельского Иисуса и прижился во всех христианских конфессиях, хотя в различных конфессиях он интерпретируется по-разному.

В протестантизме этот сюжет интерпретируется через состояние души, которое можно назвать мужеством быть (П. Тиллих, Э. Фромм). Исполненность бытия божественным присутствием уменьшает, согласно протестантизму, демонические начала в культуре. С ростом религиозного содержания культуры ближе становится момент единения человеческой истории и божественного порядка. Мирское/профанное для протестанта не менее сакральное/потустороннее имеет значение, но смысл получает только в единстве с сакральным. Да и сакральное обретает смысл лишь в единстве с человеческим.

В православии – иное. Мир лежит во зле, и если человек однажды встал на путь православия, то сделал он это для того, чтобы освободиться из плена мира сего, как из тюрьмы. И, двигаясь последовательно по пути православия, он естественным образом должен начать нести служение, спасающее его душу в противопоставлении себя миру.

Принципиальное различие между протестантизмом и православием – *быть с Богом в миру* либо *быть с Богом против мира* – лежит в основе моего доказательства некорректности вывода Достоевского о том, что Пушкин в «Страннике» отобразил дух английского протестантизма. Методологически – это выбор между двумя ценностями. Либо в новозаветной богочеловеческой середине между святой потусторонностью и грешной посюсторонностью искать смысл жизни на основе своей способности быть, видя в этом поиске высшую нравственность. Либо слиться с ветхозаветной крайностью – с чистым знанием о потусторонности, уйти в гнозис (гнозис – греч. чистое знание) и в религиозном гностицизме мистически спастись от мира, который лежит во зле. В водоразделе между двумя способами веры основное различие между протестантизмом и православием.

³ Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности.// Достоевский. ПСС в 30-ти т. Л. Наука. 1983 Т. 26. С. 146.

2. Пушкин и Достоевский: разные задачи в поэзии

Вот начало высказывания Достоевского о пушкинском «Страннике», которое я беру из его «Пушкинской речи»:

«В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания».

Почему этот вывод не верен?

Мистика не может не быть «безбрежной-безудержной», иначе она перестает быть мистикой. Она нужна верующему человеку, потому что ведет за границы реального, опытно-достоверного и противоречивого, уводит от необходимости ставить и решать новые вопросы, спасает от релятивизма в мышлении. Способность к мистическому прорыву в непротиворечивое представление о потустороннем всеобщем является психологическим основанием любой веры. Христианские церкви – не исключение. И когда мы говорим о том, что католическая церковь отличается от православной тем, что ввела неправославный принцип *filioque*, а протестантские церкви – тем, что ввели неправославный принцип *sola fide*, это не значит, что католическое и протестантские вероисповедания стали менее мистическими, чем православное.

Откуда берется мистика веры?

Все христианские церкви считают, что реальная жизнь человека от рождения до смерти – состояние временное, а воображаемая потусторонняя жизнь после смерти – состояние постоянное, вечное. Они исповедуют веру в потустороннего Бога-отца, хозяина царства небесного, чтобы осуществить мистическое спасение души человека и тем достичь основной цели религиозного движения. Вывод: раз мы говорим о вере – значит, автоматически говорим о мистике. «Мистическое мечтание», которое по определению «безбрежное» – отнюдь не специфика только протестантизма. В равной степени это специфика и православия.

Достоевский: «мистический безудерж» протестантизма – «тупой» и «мрачный». А разве «мистический безудерж» православия – продвинутый и светлый? Или может быть православная мистика в отличие от «безудержной» протестантской знает меру? Если да, то – что это за мера? В чем? Не рассчитывая получить ответ на эти вопросы, я вижу идеологическую ангажированность Достоевского как право-

славного идеолога – его радикально антипротестантскую позицию, далекую от поэтической задачи, которую решал Пушкин, когда обращался к английской литературе.

3. Бегство «от мира сего»

Основная тональность пушкинского стихотворения – нарастающая паника героя, который бежит от людей, чтобы спасти душу.

Странник:

«И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? О горе, горе!»

Разве это не типичная русская интонация? Вам не напоминает настроение пушкинского героя настроение русских старообрядцев в процессе принятия решения бежать из еретической Руси, потому что в ней тьма, грядет конец света, а там, куда они намерены бежать, в пустынях Севера, Сибири, Урала, тьмы нет, возможна праведная жизнь и спасение души? Разве не налицо конфликт, раскол между теми, кто видит спасение в бегстве, и теми, кто бежать не собирается?

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

Почему члены семьи нашего раскольника протестанты и соседи-члены религиозной общины не поняли и не приняли смысл этого побега из мира?

Вот диалог двух персонажей стихотворения: Юноши, святого, и Странника:

И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь» –
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
«Иди ж, – он продолжал: – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» – И я бежать пустился в тот же миг.

Монастыри как общественное явление появились задолго до христианства и в районе Средиземноморья, и в бассейнах Северного, Черного, Балтийского и Белого морей. Католическое и православное христианство лишь продолжило эту традицию. Так возникли православные монастыри: на Соловецких островах в Белом море, Валаамский монастырь в Балтийском море, Киево-Печерская лавра в киевских подземельях, Афонский монастырь в горах Кавказа, монастыри-норы в горах Крыма. Жития старцев православных монастырей, которые в изобилии наполняют полки книжных киосков в современной России, убедительно демонстрируют «безудерж мистического мечтания» их авторов.

Бегство «от мира сего» – это специфика раннего христианства, которая на Западе довольно быстро исчерпала свой черно-монашеский потенциал и в таком качестве сохранилась в русском православии. Ни у одного из десятков вариантов протестантских церквей никогда не было монашества и нет монастырей (за исключением, пожалуй, лютеран), никогда не было ни святых отшельников, ни юродивых. Протестанты, напротив, стремятся быть в миру. Потому что психологически бегство от мира, как это происходит в пушкинском стихотворении, не соответствует тому жизнеутверждающему типу христианства, который, начиная с Ренессанса и Реформации, и в первую очередь через английский протестантизм, набирал силу в Европе.

Как же отнестись к выражению Достоевского «безудерж мистического мечтания»? Мистический императив был характерен и для русских переселенцев в Сибирь и на Амур, и для англо-саксов, когда они осваивали сначала восточное побережье Северной Америки, потом ее Дикий Запад. Но англо-саксы, осваивая новые земли и неся с собой, по Достоевскому, «тупой» и «мрачный» протестантизм, **НЕ** строили монастырей. Не уходили они ни в монашеское отшельничество, ни в юродство, и на камне они годами в одиночестве не стояли, и на столбе не сидели, и не затворяли себя голых и в цепях в тюрьму, и не ложились спать в гроб, и хлыстами друг друга не били, и свальным грехом не занимались. И, естественно, не бежали они из своих семей в монастыри и кельи, как это произошло в пушкинском стихотворении. Они жили в миру обычной жизнью мира, уверенные что, добросовестно выполняя свою повседневную работу, служат Богу и тем спасают душу. Мистическая вера

английских протестантов, а мистика действительно имеет в ней место, иначе она не была бы верой, не отделяла и не отделяет протестантов от мира.

4. Слезливо-экзальтированное переживание веры

Теперь обратим внимание на эмоциональную составляющую поведения и речи пушкинского беглеца.

Его речь взволнована. Он верующий человек и погружен в мистический поиск пути спасения. Но в пушкинском «Страннике» – я сравнил тексты – взволнованность героя стихотворения по сравнению с той, которая присуща герою английского романа, существенно преувеличена. Это не просто взволнованность, это припадок слезливой безысходности. Много проповедей я слышал в исполнении пасторов различных протестантских церквей. Все они были взволнованы. Но ни разу не слышал я страдальческой экзальтации. Почитайте труды Лютера, Кальвина, Бакстера – нигде нет интонации отчаяния. Психология протестантизма – это рациональное и очень уверенное осмысление веры, оптимизм в ее обретении, достоинство и мера в просьбах к Богу, огромная требовательность к способностям человека. Истерическое религиозное переживание в пушкинском «Страннике» обнаруживает способ веры совершенно не характерный для протестантизма.

Английский протестант с не английской душой, «странствуя среди долины дикой», вдруг осознал, что он грешник, и был охвачен «скорбью великой»: «Скорбь час от часу меня стесняла боле». Он понял, что «осужден на смерть и позван в суд загробный». Он предстанет перед Страшным судом Бога, который решит судьбу его души: либо в ад, либо в рай. Страх овладел им:

Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки.

Вопрос о конфессиональной принадлежности населения территорий Западной Европы в период Реформации определялся не верующими индивидуумами, а светскими и церковными властями этих территорий. Поэтому в протестантизм англичане переходили целыми княжествами и жили общинами. Все члены семей протестантских поселений были протестантами: так складывалась история страны. И

вот читаем у Пушкина о том, что члены семьи и соседи нашего героя – такие же протестанты, как он, посчитали испуганный религиозный экстаз нашего героя не уместным в протестантской среде и даже безумным:

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроены почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.

.....
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

«Потупить голову»⁴, «ломать руки», «в полях изливать», «душа пронзенная», «муки», «расстроенный здравый ум», «жар болезни», «безумие», «уныньем изнывая», «тяжким бременем подавлен и согбен», «дикий плач»,... истеричность, мазохизм – все это не протестантский способ религиозного переживания. Пушкин взял сюжет, в котором главный герой протестант, но, сделав его взволнованность испуганной, чрезмерной, наделил его отнюдь не протестантскими чертами. Какими?

Сравните эмоции нашего героя с православной интонацией одной из важнейших канонизированных православных молитв – «Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу»:

Глас 6-й, Песнь 6.

Ирмо́с: Житейское море бурей напастей наступает на меня, я к тихому пристанищу Твоему притек и взываю к Тебе: *избавь от гниения жизнь мою*, Многомилостивый.

Припев: Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Живя на земле в сплошных грехах, отдавая свою душу постоянно в темноту, там, где нет тебя, сейчас молю Тебя, милостивый Владыко: *освободи меня от этой работы вражей*, и дай мне разум творить волю твою.

Припев: Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Кто творит такое, как не я? *Как свинья лежит в кале, так и я служу греху*. Но Ты, Господи, достаешь меня из грязи этой...(курсив мой – А. Д.).⁵

⁴ «Потупить голову – это канонизированный РПЦ стиль поведения верующего: «Инок заповедано всегда глядеть в землю». // Протопоп Аввакум. Житие. – М., Захаров. 2002. С. 174.

⁵ Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу (перевод с церковнославянского мой – А. Д.). // <http://www.molitvoslov.com/text3.htm>

Чувствуете общую тональность речи в православном «Каноне» и в пушкинском стихотворении? Уничтожение, безысходность, страдание. Вплоть до нервного срыва. И в «Страннике», и в «Каноне» образ человека, *жалкого*, раздавленного потерей ценностных ориентиров и собственной неполноценностью:

Юноша в
«Страннике» – «Коль жребий твой таков, –
(святой.– А.Д.): Он возразил, – и ты так *жалок* в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
(курсив мой – А. Д.).

Ничтожество жалкого героя в том, что он в отчаянии, в унынии:

«О, горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! Уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обличен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все...».

Из чего происходит различие между эмоциональным миром протестанта и эмоциональным миром православного верующего? Охраняя свою ренессансно-реформационную самость, протестант просит Бога быть рядом с ним, не покидать его в вере и делах, он – личность, *рыцарь Бога*. А православный верующий передает свою самость Богу и просит Его о том, что ему нужно, но сделать это он просит Бога, он – *раб Божий*. Оба конфессиональных подхода взаимопроницают, но принципиальное различие в акцентах легко различимо. И в процитированном «Каноне», и в пушкинском «Страннике» главный герой – не уверенный в своей способности жить протестантский рыцарь Бога, а отчаявшийся в способности сосуществовать с этим миром православный раб божий.

5. Неготовность к Суду Бога

Но вот еще более существенный момент, доказывающий, что пушкинский персонаж срисован с православного верующего. Наш герой, готовящийся к смерти, обнаруживает в себе, что к встрече с Богом он не готов:

И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.

Этот вывод – совершенно не протестантский. Согласно М. Лютеру (1483–1546), человек спасается только личной верой,⁶ то есть в протестантизме по определению не может быть такого состояния, что верующий в Бога не готов к Суду Бога.

Согласно православию: судьба человека, каким бы истово верующим он не был, будет решаться на Страшном суде, и только Бог знает, каково будет это решение.

Согласно протестантизму: если человек поверил в Бога, то на Страшном суде у Бога нет оснований отказаться от поверившего, человек твердо знает, что Бог непременно отправит его в рай. Поверил – значит спасен.

Из этого различия – неуверенность в осмыслении бытия и своих поступков православного человека, его недоверие к своему разуму, воле, чувствам, комплекс неполноценности, уныние, «вопли», слезы, страдания, истерики. Православный, самый истово верующий в Бога, к Суду, как правило, не готов, не уверен в себе и не может сказать, счастлив ли он. И радостная уверенность в своих способностях и силах протестанта. К Суду Бога протестант, с тех пор, как он принял веру, всегда готов, уверен и в своем бытии, и в спасении души, и тем счастлив.

Обратимся снова к православному «Канону покаянному ко Господу нашему Иисусу Христу»:

Глас 6-й, Песнь 4

Ирмос: Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, взывая к чистым помыслам о Господе празднующем.

Прпев: Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Широк путь в этом мире и удобен, чтобы творить усладу мира сего, но горько будет в последний день, когда душа разлучается с телом будет: берегись мира сего, человек, ради царствия Божия.

Прпев: Помилуй меня, Боже, помилуй меня.

Владычица Богородица, помилуй меня грешного, и в добродетели укрепи, и соблюди меня, и пусть наглая смерть не похитит меня *неготового*, и доведи меня, Дева, до Царствия Божия (курсив мой – А. Д.).⁷

Итак: человек поверил в Бога, но он, тем не менее, не готов к встрече с Богом. Не парадокс

ли? Он не просто верит, он глубоко верит, но ждет наказания за безверие – еще один парадокс. Конец света близок, смерть близка, а человек не знает, как спасти душу – третий парадокс. Он не сам идет к Богу, а ему надо, чтобы его вели, например, Богородица или какой другой святой – четвертый парадокс. Этой парадоксальной логике следует и пушкинский персонаж. Его ведут к истине внеположенные факторы: святой и «некий свет». У пушкинского героя нет самости, его «Я» не сформировалось. Но это не только его трагедия. Это трагедия православного верующего вообще, воспитанного в духе рабской неуверенности в прочных отношениях с Богом. Это трагедия неукорененного в бытии русского человека.

6. Неукорененность в бытии

Пушкин наделяет своего героя чертами, характерными для религиозной практики православных верующих.

Герой «Странника» напоминает образ юродивого либо монастырского монаха. Пушкин называет его «духовным тружеником», который «влачит свою веригу». Вериги в православии носили юродивые, либо некоторые (отнюдь не все) монастырские монахи, которые, истязая, «умерщвляя» свою плоть, тем совершали «духовный подвиг». Но выражение «вериги», связанное с «духовным подвигом», можно понять и как духовное послушание. Например, св. Сергей Радонежский сам наложил на себя послушание: одно время делал до тысячи пятисот поклонов иконе в одну службу. Пушкинский герой в «Страннике» семейный человек. Но, по-видимому, он совершал послушание, которое наложил на себя сам – в одиночестве скитаться, бродить по пустынным, диким местам: «Однажды странствуя среди долины дикой», и затем: «Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая». Суть скитания как «духовного подвига» – в изоляции от мира, в бегстве от мира, в противопоставлении мистической святости подвига бродяжничества грешной оседлой жизни. Конфликт между кочевничеством (в «Страннике» – скитанием) и оседлостью – основной в книге Бытия Библии. Вспомните историю Каина и Авеля, выбор Бога и приговор Бога Каину скитаться по свету⁸. Вспомните также и бесчисленное множество указаний православных авторов на то, что русский человек это «духовный скиталец» и что такое «скита-

⁸ Быт. 4:12.

⁶ Философская энциклопедия. Лютер М. // dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/654/Лютер

⁷ Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу (перевод с церковнославянского мой – А. Д.). // <http://www.molitvoslov.com/text3.htm>

ние», «духовный труд» – главная отличительная черта православия.

Для «духовного труженика», который совершает такой «духовный подвиг», мир – тюрьма. Иначе зачем бы понадобилось совершать подвиг?

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из *тюрьмы* замысливший побег.
(курсив мой – А. Д.).

Эту очень православную мысль о том, что жизнь – тюрьма, разовьет Л. Толстой в рассказе «Смерть Ивана Ильича» и романе «Война и мир».

Специфика православного мироощущения также в том, что православный верующий постоянно испытывает чувство вины перед Богом за то, что он грешен. Пушкин акцентирует это чувство верующего человека.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станет со мной?»
(курсив мой – А. Д.).

Вот оно – косвенное (а может быть, прямое) указание Пушкина на библейский сюжет, где Каин убил Авеля, за что был приговорен Богом к вечному скитанию.

Мысль о вине героя повторяется через несколько строф:

Я встретил юношу (святого – А. Д.),
читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный...
(курсив мой – А. Д.).

В чем здесь проблема для читателя? В том, что протестант не испытывает чувства вины. Ее по определению быть не может, потому что Иисус своей жертвой снял первородный грех со всех людей. Протестант принимает бытие, как оно есть, и через веру в Бога и свою деятельность радуется ему. Грех – отчужденность от бытия, а благодать – принятие бытия. Че-

рез бытие вечность Бога постоянно присутствует во временности мира, поэтому бытийное самоутверждение человека одновременно есть и подлинное религиозное действие. В разные исторические эпохи оно совершается по-своему, но всегда требует «мужества быть». Этим снимается страх смерти, чувство вины и отсутствие смысла жизни. Символом соединения Бога и человека через «мужество быть» стали и ветхозаветные пророки и новозаветный образ Иисуса.

Достоевский говорит в «Пушкинской речи», что в «Страннике» «слышится дух веков реформации». Но в «Страннике», увы, не слышится дух Реформации, потому что Реформация провозгласила руководящие для протестантов постулаты: 1) только верою, 2) только Священным писанием и 3) священство всех верующих. Эти постулаты упорядочивают способ веры протестанта, делая его радикально личностным и не допуская неопределенности в интерпретации ценностей.

А в способе веры пушкинского героя «слышится» полная потеря протестантских ценностных ориентиров:

- слезливо-экзальтированное переживание веры, дух отчаяния;
- бегство от мира в святые места, понимаемые географически, чтобы спасти душу;
- неукорененность в бытии;
- чувство вины;
- стремление изолироваться от мира.

Это портрет окаянного, неприкаянного, кающегося Каина, глубоко верующего человека, который по способу веры – типичный православный.

Вы спросите: а что же Беньян? Может быть у героя «The Pilgrim's progress» есть все черты православного верующего, которые описал Пушкин, и тогда получается, что Пушкин скопировал портрет своего православного с протестанта? Этот вопрос не корректен. Вопрос о степени православности пушкинского героя и протестантскости Беньянова героя к нашему исследованию отношения не имеет. Нам не важно, какова Беньянова интерпретация христианства, за что церковь лишала Беньяна сана священника, и почему вернула ему сан. Все это не важно, как не важна и религиозная чистота английского романа. Главное, что взволнованность и логика текста Беньяна спровоцировала мысль Пушкина на поэтическую фантазию, отражающую реальность, очень русскую по типу культуры.

А теперь вернемся к Достоевскому.

7. Достоевский о пушкинском «Страннике»

Я цитирую вторую, последнюю часть высказывания Достоевского в «Пушкинской речи» о стихотворении «Странник»:

«Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой...

...Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили»⁹.

Ничего того, о чем говорит Достоевский в «Пушкинской речи», в стихотворении нет.

1) Не слышится в «Страннике» дух европейской Реформации, потому что нет в стихотворении ни протестантских ценностей, ни протестантского способа веры, ни протестантского стиля бытия.

2) Никакого «воинственного огня» протестантизма в «Страннике» нет, потому что нет в стихотворении воинственности. Нет в нем и намек на то, что вы как будто прошли мимо вооруженного стана сектантов, потому что нет стана. Оружие ни в каком виде не присутствует в абсолютно мирных картинах «Странника».

3) Нет гимнов, нет их пения, нет того, кто их поет или мог бы петь.

4) Нет и намек на совместный плач протестантских общинников в их мистических восторгах.

5) Не говорится в «Страннике» и о том, во что веровали протестанты.

Зачем же Достоевскому понадобилось исказить содержание пушкинского «Странника»? Достоевскому надо было показать всемирное значение пушкинской поэзии. Но ему надо было это показать, решая свою религиозно-народническую задачу: он хотел видеть всемирность Пушкина через способность поэта изображать этническую-религиозную-народную специфику образов, которые поэт якобы

брал из зарубежной художественной литературы. Достоевский хотел видеть в копировании Пушкиным народно-религиозного духа, в данном случае английского протестантизма, его всемирное народничество. Но копирования английского протестантизма в «Страннике» не было. А была оригинальная пушкинская поэзия, анализирующая православную ментальность. Значит, оригинальность поэзии надо было не заметить, а копирование – придумать. И Достоевский придумал.

Что же произошло?

Пушкин взял кусочек религиозного бытия, штрихами изобразил его инверсионную суть (в данном случае – метание между ценностями потусторонности и посюсторонности), что оказалось характерно для православия и не характерно для протестантизма. А Достоевский в этой инверсии – в том, что в Европе сужало из века в век свои рамки – увидел всемирность, некую вечную значимость, абсолют, певцом которого якобы был Пушкин. Критиковал ли Пушкин инверсию? Нет. Воспевал ли он антипод инверсии – поиск некой синтетической богочеловеческой середины/медиации? Нет. Поэт в «Страннике» стоял на позиции первоценности поэзии. С позиции независимости поэзии от Бога и человека, от религиозности и народничества он писал портрет своего героя, и в этой богочеловеческой независимости была его творческая медиационность.

Противоречие между Достоевским, интерпретатором «Странника», и Пушкиным, его автором – это конфликт между мышлением исторически сложившейся моралью и мышлением свободным от этой морали, между искусственно раздуваемой значимостью религиозных и народнических полярных смыслов и богочеловеческой личностной серединой, суть которой в способности поэта писать поэзию.

8. Эпилог

Так кто же он – герой пушкинского «Странника»? Протестант, православный или еще кто-то?

Получился человек с рабской философией жизни и истеричным способом веры. Пушкин жил в России, Англию не посещал и написал портрет такого верующего, которого знал. Получился русский тип? Ну что ж, с другими типами поэт в быту не был знаком. Хотел ли Пушкин конфессиональной определенности своего героя? Вряд ли. Да и зачем? Написал то, что видел каждый день.

⁹ Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // Достоевский. Т. 26. С. 146.

Кто выиграл от такого портрета?
 Поэзия, цель которой – быть поэзией, независимой от морали.
 А что получилось?
 Искусство, цель которого – искусство.

А что же Достоевский? Его Пушкинская речь – по существу антипушкинская. Писатель-почвенник, идеолог империи и церкви извращает поэта, впервые в России заговорившего о независимости поэзии от всего, что мешает ей быть поэзией.

Список литературы:

1. Пушкин А. С. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...»)// Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах.–М.–Л., Изд-во «Правда», Т. 3. С. 311-313.
2. Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности.// Достоевский. ПСС в 30-ти томах. Л. Наука. 1983 Т. 26. С. 146.
3. Беньян Дж. Путешествие пилигрима в Небесную страну.// <http://tululu.ru/read55472/62/>
4. «Потупить голову—это канонизированный РПЦ стиль поведения верующего: «Инокую заповедано всегда глядеть в землю». // Протопоп Аввакум. Житие.–М., Захаров. 2002. С. 174.
5. Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу (перевод с церковнославянского мой – А. Д.). // <http://www.molitvoslov.com/text3.htm>
6. Философская энциклопедия. Лютер М.//dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/654/Лютер
7. Быт.4:12.
8. Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности.// Достоевский. Т. 26. С. 146.
9. Н. Б. Кириллова Человек и миф в пространстве медиареальности // Культура и искусство. – 2012. – 2. – С. 78 – 86.

References (transliteration):

1. Pushkin A. S. Strannik («Odnazhdy stranstvuyaya sredi doliny dikoi...»)// Pushkin A. S. Sobr. soch. v 10 tomakh.–M.–L., Izd-vo «Pravda». T. 3. S. 311-313.
2. Dostoevskii F. M. «Dnevnik pisatelya» na 1880 god. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti.// Dostoevskii. PSS v 30-ti tomakh. L. Nauka. 1983 T. 26. S. 146.
3. Ben'yan Dzh. Puteshestvie piligrima v Nebesnuyu stranu.// <http://tululu.ru/read55472/62/>
4. Dostoevskii F. M. «Dnevnik pisatelya» na 1880 god. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti.// Dostoevskii. T. 26. S. 146.
5. N. B. Kirillova Chelovek i mif v prostranstve mediareal'nosti // Kul'tura i iskusstvo. – 2012. – 2. – С. 78 – 86.